

НАТАЛЬЯ ИРТЕНИНА

РУССКИЕ В КРЫМУ: IX—XVIII века

Воссоединение Крыма с Россией всколыхнуло в стране волну национального воодушевления. Русский Крым сегодня — тема номер один и в высоких кабинетах, и в тесных квартирках. Но когда началась его “русскость”? Только ли со времён Екатерины II, отобравшей его у турок, или русские в Крыму “прописались” гораздо раньше?

Полезно вспомнить, когда и каким образом эта земля сделалась для нас не чужой, в каких незапамятных веках и как начали завязываться крепкие связи Руси с византийской Таврией. История эта началась 12 веков назад. Именно тогда эти края впервые познакомились с воинственным народом русов.

В те времена земля древней Таврики, колонизованной некогда греками, была поделена между православной Византийской империей и тюркским Хазарским каганатом, чья правящая верхушка вскоре приняла иудаизм. Византии принадлежала юго-западная и южная часть полуострова со столицей в Херсонесе. В IX веке эта территориально-военная единица византийского государства стала называться Херсонской фемой. Основным прибыльным занятием её городского населения была торговля: на полуострове пересекались купеческие маршруты с востока на запад и с юга на север, здесь проходила часть Великого шёлкового пути. Именно слухи о богатствах, которые сулила здешняя торговля, а пуще того — торговля с лежащей дальше на юг греческой державой впервые привели в Таврию русов.

Но и задолго до того с полуострова протягивались связующие нити в земли Руси. По древнему преданию, из Таврии отправился вверх по Днепру Апостол Андрей Первозванный, проповедуя христианство. Его стопами несколько веков шли на север многочисленные сеятели Слова Божия и, быть может, доходили и до земель, где в будущем был основан Новгород, — русская летопись приписывает подобное путешествие самому Апостолу Андрею. На рубеже VIII—IX веков русские язычники пролагают путь “из варяг в греки” и сами знакомятся в Таврии с верой в Христа.

Первого известного нам русского князя, который привёл свою дружину в Крым, звали Бравлин. Это был разведывательный и военно-грабительский поход на ладьях из далёкого Приладожья. Достигнув южных берегов полуострова, русы обрушились на города и поселения от Херсонеса до хазарской Керчи. Опустошив всё побережье, они напоследок после десятидневной осады взяли штурмом крепость Сугдею (Сурож, ныне Судак). С этими событиями нас знакомит сказание “Чудеса святого Стефана”. Это повествование было записано в конце X века на основе устного предания, бытовавшего в Суроже около двух веков. Именно из этого текста нам известно имя русского князя и некоторые подробности похода.

Ворвавшись с мечом в храм Святой Софии, Бравлин был сражён припадком падучей: “обратилось лицо его назад”, на губах князя вскипела пена. Он кричал своим воинам, что его схватил и душит некий святой муж, который велит ему, чтобы русы оставили всё награбленное и убирались из города. В храме находилась гробница сурожского епископа Стефана, незадолго до того умершего. Дружинники в страхе побросали всё, что успели схватить в церкви: “царское одеяло, жемчуг, золото, камни драгоценные, лампы золотые и сосудов золотых много”. Но это не помогло: Святой Стефан, видимый только несчастному князю, отпустил Бравлина лишь тогда, когда тот пообещал немедленно принять крещение. Местное духовенство поспешило исполнить волю Святого и окрестило князя. Только тогда он смог встать на ноги. Под влиянием этого страшного чуда приняли христианство и другие русы из окружения Бравлина. Князь велел дружине отпустить всех пленных, сам же неделю провёл у гробницы Стефана, а уходя, почтил храм и священников “великим даром”.

Назад, в свои земли, русы возвращались хотя и без добычи, но с тем, что стоило любого богатства, — с новой верой и новым знанием. Разведанный ими путь “в греки” и мирные отношения с Таврией сулили впредь немалые торговые прибыли, гораздо большие, чем то, что можно было взять силой. Но более ничего не известно ни о самом Бравлине, ни о том, насколько искренним было его христианское обращение, или о том, какой приём встретила у соплеменников крещёная дружина, вернувшаяся из похода с вестью о Едином Боге греков и с пустыми руками.

Но если первое принятие христианства русами оказалось непрочным и недолгим, то общие торговые интересы отныне прочно связали Русь и Таврию.

Чуть более полувека спустя в Константинополе в 860 году приняли крещение киевские князья Аскольд и Дир. И ещё через столетие там же станет христианкой бабка князя Владимира, княгиня Ольга. Но всё же отправной точкой русского Православия навсегда стала византийская Таврия. Это своё звание она вновь подтвердила ещё через два века после похода князя Бравлина, когда Русь была крещена князем Владимиром Святославичем.

С первых десятилетий IX века русы быстро осваивались в Херсонесе и других городах крымской Византии. Славяно-норманские воины-купцы снаряжали сюда караваны с северными товарами, оседали здесь, в обильном разноязычии, среди греков, готы, армяны, хазары и прочих народностей. Русские князья каждый год также отправляли вниз по Днепру в Херсонес и Константинополь-Царьград огромные флотилии торговых судов. Оттого само Чёрное море начало прозываться у окрестных народов Русским. А на земли Руси проникало из Таврии культурное влияние христианской империи.

Херсонес или, как его называли русские, Корсунь играл роль посредника между мощной Византийской империей и рождающимся государством Русь. Стоял он на берегу бухты, которая сейчас зовётся Карантинной, в северной части Севастополя. Город, окружённый крепостной стеной, имел четкую планировку: длинные улицы пересекались под прямыми углами. Здесь располагалась администрация Херсонской фемы и военный гарнизон. В судходный сезон его портовая гавань была забита кораблями и ладьями. Имелся в городе и русский квартал, где селились временно или постоянно купцы, ремесленники, наёмники, искавшие службы в империи. Всех их звали здесь ромейскими русами (себя византийцы именовали ромеями, то есть римлянами). Приезжали они из разных земель Руси — с новгородского севера, киевского юга, полоцкого запада, смоленского поднепровья. Постепенно русская община расширялась, многие принимали христианство. Со временем, вероятно, появился и русский храм, где служба велась на церковнославянском языке, созданном Кириллом и Мефодием.

Во второй половине X века киевский князь Святослав разгромил Хазарский каганат. В восточном Причерноморье две хазарские крепости — Керчь и Самкерц — стали русскими владениями. А окрестные земли, Керченский полуостров на востоке Крыма и Таманский — напротив него, через пролив, — с частью Кубани образовали русское наместничество. Называлось оно Тмутараканским по имени Самкерца-Таматархи-Тмутаракани (ныне Тамань) на Таманском полуострове. В течение столетия с небольшим это был русский анклав, территориально оторванный от Руси, отделённый от неё дикими степями и Азовским морем.

Начиная с 1060-х годов Тмутаракань была “призом” для князей-изгоев, не имевших владений на Руси. Они садились здесь княжить не по закону, а по праву силы. Однако правление их было скорее формальным – они лишь брали дань с окрестного населения. Один из таких князей, внук Ярослава Мудрого Ростислав Владимирович, попытался вести более активную политику, чем задел интересы византийских властей. По словам летописца, греки испугались. Приехавший в Тмутаракань из Херсонеса греческий чиновник отравил “политического конкурента”. Но херсониты, видимо, хорошо знавшие и уважавшие князя Ростислава, узнав о преступлении, побили чиновника камнями.

Другой тмутараканский князь, Глеб Святославич, утвердившийся здесь на вполне законном основании, оставил весьма своеобразный след. В XVIII веке на Таманском полуострове нашли каменную плиту с высеченной на ней надписью. Она сообщала, что в 1068 году “Глеб князь мерил море по леду от Тмуроканя до Корчева 14000 сажен” (Корчев – русское название Керчи). Для чего князю понадобилось измерять ширину Керченского пролива по зимнему льду, да ещё не в самом узком месте, не очень понятно. Можно предположить, что не всех тмутараканских князей устраивала роль собирателя дани, “внешнего управителя”. Некоторые пытались утвердиться здесь как истинные и рачительные хозяева своей земли, знающие, сколько и чего есть у них под рукой. Или же это была просто удальская выходка князя, решившего воспользоваться нечастым природным явлением – полным замерзанием пролива? Как бы то ни было, мероприятие 1068 года считается первым “гидрографическим исследованием” на территории России.

Но это будет позднее. А в 988 году Таврия пережила ещё одно массовое “нашествие” русских. Русь в этом году находилась на переломе своей истории, на крутом повороте от старого к новому, от языческого “варварства” к христианской цивилизации. “Испытав” разные веры, киевский князь Владимир Святославич выбрал византийское христианство. Он заключил с императорами-соправителями Василием и Константином договор: ратная помощь в их войне с мятежниками в обмен на царскую сестру принцессу Анну, которую князь хотел взять в жёны. Собственное крещение Владимир не стал откладывать. В купель, смывающую все прежние грехи, он вошёл вместе с домочадцами зимой 988 года в Киеве.

Родившаяся позднее “Корсунская легенда”, занесённая почти век спустя в русскую летопись, гласила, что Владимир вместе с дружиной крестился в Херсонесе. И прибавляла: таинство крещения исцелило князя от слепоты, незадолго до того внезапно поразившей его. Но легенда – это всего лишь легенда, даже если она зафиксирована в тексте с полемическим заостренным названием: “Слово о том, как крестился Владимир, взяв Корсунь”. Другие, более достоверные источники того времени рисуют совсем иную картину крещения князя – без всяких чудес (“Слово о Законе и Благодати” митрополита Илариона, “Память и похвала русскому князю Владимиру” Иакова Мниха – древнейшее житие святого князя; оба памятника созданы в XI веке.)

Корсунская легенда пришла на Русь из Таврии. Там уже в середине XI века были убеждены, что завоевывать Херсонес осенью 988 года русское войско привёл не князь-христианин, а язычник-“варвар”, ещё не узревший истинного Бога, исполненный вражды к христианской империи.

Однако гневаться князю Владимиру, новоиспеченному христианину, в самом деле было на что. Он исполнил условия договора: крестился и отправил военную помощь (6-тысячный отряд ратников) в Византию. В ответ же не получил ничего – ни порфирородной невесты, ни предстоятеля для киевской епархии, ни священников для крещения страны, ни прочего, что было обещано для обустройства русской Церкви. Такое пренебрежение к язычникам, да и к давно крещеным народам, не принадлежавшим к римскому миру, не знавшим античной культуры, было в обычае при византийском дворе. Да и сама принцесса Анна категорически отказалась выходить замуж за русского “варвара”, ещё недавно имевшего множество жён и наложниц.

Прождав напрасно несколько месяцев, князь обратился мыслью к Херсонесу-Корсуню, уже давно ставшему духовным центром для пока ещё немногочисленных русских христиан. Вот где он мог получить всё, потребное для просвещения своего народа! А может быть, и обрести там политические выгоды. Фема Херсон, эти северные задворки империи, нередко проявляла своеволие в отношениях с Константинополем. Князь мог попытаться “перетя-

нуть” Корсунь на сторону Руси, установить с ним независимые от Царьграда отношения, втянуть его в орбиту русской политики. Это стало бы достойным ответом Владимира Святославича на грубое нарушение империей договора, на презрительное молчание византийского двора, унижительное для князя, владетеля огромной и сильной страны.

Он отправил в Херсонес посольство со своим предложением: князь сватался к дочери греческого наместника – херсонского стратига. Однако и тут он получил в ответ лишь издёвку. Дав волю гневной страсти, новокрещённый князь отправился с войском в Таврию. Штурм затворившейся крепости не дал результата, и русская рать взяла город в осаду. Лишь через полгода она увенчалась успехом. В Херсонесе у русских обнаружился доброхот, переславший князю записку с советом раскопать и разрушить водопроводную трубу. По одной из версий, это был “ромейский рус” варяг Жадьберн, по другой – местный священник Анастас.

Изнеможенный от жажды город сдался на милость победителя. В Херсоне начались грабежи и убийства. Сам Владимир Святославич не остался в стороне от расправы над побеждёнными – по его велению были казнены стратиг и его жена. Их дочь князь силой выдал замуж за варяга Жадьберна, которого назначил новым наместником города. Однако Владимир вскоре опомнился и пресёк разрушительное буйство своих людей в городе. Превращать Корсунь в руины не входило в его планы, да и не подобало христианину такое поведение.

Князь отправил в Царьград послов, угрожая войной самой столице Византии. Императорам ничего не оставалось, как послать к нему обещанную невесту со свитой вельмож и с духовенством. В центре Херсонеса, в церкви “возле торгога” произошло венчание князя и принцессы. В прочих храмах города во множестве крестились русские дружинники.

Это было время великого торжества и самого князя Владимира, и его дружины, и других русских, бывших тогда в Херсонесе: предвестие крещения всей Руси, заря ее нового бытия. В Киеве князь стал христианином лишь по званию, в Херсонесе же сделался им по сути: взглянул со стороны на себя прежнего, раскаялся в совершённом здесь насилии, стал прислушиваться к наставлениям духовенства. Вместо разрушенной при разграблении города церкви он велел построить новую. Захваченный город он вернул империи – как выкуп (вено) за невесту.

В обратный путь на Русь Владимир увёл с собой множество священников и увез корсунские дары: храмовую утварь, кресты, иконы, святые мощи – главы Климента Римского и его ученика Фива. Всё это – себе и Руси “на благословение, освящение и спасение”. Но среди “трофеев” оказалось и кое-что сугубо мирское. Князь Владимир проявил интерес к произведениям античного искусства. На лады были погружены “две медных капищи (то есть человеческих изваяния. – Авт.) и четыре коня медных”. Эти статуи долгое время и после эпохи Владимира украшали Киевскую площадь “за церковью Святой Богородицы”. Даже в начале XII века они оставались большой достопримечательностью для горожан, невежественно вообразивших, по словам летописца, будто изваяния мраморные.

Ладейный караван прошёл от Херсонеса вдоль всего южного берега к Керчи, оттуда в Азовское море и на Дон. Впереди морской процессии стремительно неслась на Русь, на Кавказ, на арабский Восток весть о принятии русами христианства...

Связи Руси и Таврии начали слабеть с XII века. Уже в конце XI столетия Русь утратила Тмутараканские владения. С помощью князя-изгоя Олега Святославича, ушедшего оттуда добывать себе силой княжение на Руси, Таманским и Керченским полуостровами завладела Византия. К началу XIII века полловецкие орды, кочующие в причерноморских степях, до предела истончили нити, связывавшие русские земли и империю. Путь по Днепру стал слишком опасен. А в 1230-х годах степи затопило татаро-монгольское войско, на долгое время оборвав контакты Руси с Таврией.

Полуостров стал частью Золотой Орды. Именно тогда, в XIII–XIV веках он получил татарское название Крым, вероятно, по имени бывшей столицы здешних ордынских владений. Помимо пришельцев с востока, в Таврии в те же годы обособились итальянцы, главным образом, генуэзцы. Они приобрели во владение города на побережье, основывали торговые фактории, строили крепости. Но на юго-западе Крыма сохранялся и осколок Византии – пра-

вославное княжество Феодоро со столицей в одноименном городе. Его земли располагались между мысом Херсонес и Алуштой.

Золотая Орда была терпима к иным верованиям на завоеванных землях даже после того, как её ханы приняли в XIII веке ислам. Константинопольский патриархат в это время укрепил свои таврийские епархии: Херсонскую, Сурожскую, Готскую, возвысив их до митрополий. Огонь христианства на полуострове не угасал даже в самые тёмные времена турецко-татарского владычества. Но едва ли русские оставались в Крыму. Их приводили сюда во множестве только пленными, когда угоняли с Руси для продажи на невольничьих рынках.

Лишь во второй половине XIV века, во времена князя Дмитрия Донского возобновились купеческие связи Таврии и Руси, где укреплялся новый политический центр – Москва. На московских торжищах продавали свои южные товары “сурожские гости” – купцы из Сурожа и других черноморских городов – италийцы и греки. Одним из таких знатных купцов был Стефан Ховря, обосновавшийся в Москве и обласканный князем Дмитрием Донским, ставший основателем боярского рода Ховриных. Вскоре звание “сурожских гостей” начали приобретать и русские купцы, плававшие на далёкий юг.

С 1475 года Крым попал под турецкое владычество. Крымское ханство, осколок распавшейся Золотой Орды, стало вассалом Османской империи. Княжество Феодоро было полностью разгромлено, его столица превратилась в турецкую крепость Мангуп-Кале. Христиане на полуострове оказались в бедственном положении. Священников нередко преследовали и казнили, храмы превращались в руины, церковное имущество переходило в руки татар. Многие христиане, в основном это были греки и армяне, под таким давлением стали забывать свою веру. Они перенимали мусульманские обычаи и переходили в ислам. Бывало, что и христианские книги писали на татарском языке греческими буквами. На всем полуострове к XVII веку сохранилось лишь четыре православных монастыря. Все крымские епархии слились из-за малочисленности христиан в одну – Готско-Кафинскую. Кафедра её располагалась в предместье Бахчисарая.

Крымское ханство на долгие столетия превратилось в настоящую язву для Руси. С начала XVI столетия крымчаки совершали частые набеги на русские земли, грабя, убивая, уничтожая огнём города и селения, увозя тысячи людей, мужчин, женщин и детей, в плен. Вдогонку им нередко отправлялись русские отряды и при удаче отбивали и полон, и награбленное добро. Но удавалось это далеко не всегда. Русское правительство по необходимости ввело особый налог: “полоняничные деньги” – для выкупа русских пленных на татарских рынках. Каждое лето на южные оборонительные рубежи под Тулу и в соседние города отправлялось сторожевое русское войско – ждать появления врага.

Особенный размах имели несколько нашествий крымчаков. В 1521 году они внезапно появились под Москвой, обойдя сторожевые полки, и дело едва не кончилось восстановлением татарского ига на Руси. В 1571 году Москва полностью выгорела во время осады татарами. В 1591 году в сражении у Москвы крымчаки потерпели поражение и впредь уже не рисковали подходить к русской столице. Но на южные окраины страны они налетали ещё долго, вплоть до времён Екатерины II.

Всё это время на Руси не забывали о единоверцах в Крыму. Известна царская грамота 1598 года о денежной помощи, “милостыне” четырем крымским храмам. Среди них – церковь Георгиевского монастыря “что в Корсуни”. Царское “жалованье” отправлялось в обители Крыма и позднее. Тот же Георгиевский монастырь получал русскую “милостыню” ежегодно. А к московскому государю время от времени приходили от крымского духовенства и монахов жалобы на “многие бедности и скорби”. В 1637 году митрополит Серафим писал царю Михаилу Фёдоровичу: “. . . и пришли безбожные нагайцы и татары, и осадили нас, и обобрали до конца, и преосвященные и священные сосуды и церковное строение все поломали. . . Пребываем во многих бедностях и скорбях от безжалостных одержавших нас агарян. Не только те прошлые беды, и в нынешнем году, июля месяца, поймал нас султан и посадил нас в тюрьму – меня и брата моего, попа Димитрия, – и взял у нас двести тысяч ефимков”.

В 1771 году во время очередной Русско-турецкой войны армия князя В. М. Долгорукова штурмом взяла укрепления Перекопа и заняла Крым. Татары, лишившиеся поддержки Турецкой империи, покорились России. Вско-

ре князь Долгоруков подписал с крымским ханом договор, по которому ханство объявлялось независимым от Османской империи и переходило под кровительство России. Хан Шагин-Гирей принял русское подданство. Христиане в Крыму получили равные права с мусульманами. Армия Долгорукова вскоре была выведена из Крыма, но там остались русские гарнизоны.

Однако Турция не считала борьбу законченной. Поэтому у готско-кафинского митрополита Игнатия возникла мысль о переселении христиан (православных, армянских григориан и католиков) из Крыма в пределы России. Он обратился с этой идеей к Екатерине II. В проекте митрополита был огромный резон: устранялась опасность расправы над христианами в случае новой войны, а земледельческой экономике ханства наносился серьёзный ущерб. Одобрённый императрицей исход крымских христиан на земли Новороссии, оплаченный из российской казны, произошёл в 1778 году. Но многие не захотели покидать насиженные места — таких оказалось чуть менее половины.

В 1774 году Турция подписала с Россией мирный Кючук-Кайнарджийский договор, в котором отказалась от всех прав на Крым и признала его независимость. А ещё через девять лет, в 1783 году, императрица Екатерина II своим манифестом присоединила Крым к России под именем Таврической губернии. С агрессивным Крымским ханством было покончено. Полуостров начал быстро наполняться переселенцами из России, Малороссии, даже из подвластных Турции стран. Возрождались и множились христианские общины. Генерал-губернатор Новороссийского края князь Г. А. Потёмкин развернул строительство городов Севастополь и Симферополь — базы черноморского флота России и губернского центра.

Между тем, Екатерина II лелеяла проект освобождения Константинополя-Стамбула от турок и воссоздания в нём православного царства. Грандиозная мечта императрицы не осуществилась. Но Россия, осознавшая себя наследницей Византии ещё в XV веке, всё же обрела бесценную для любого русского христианина землю — Крым, древнюю Таврию, самую северную часть империи, один из сакральных центров Русской Православной цивилизации.

Спустя годы и десятилетия Турция ещё не раз пыталась вернуть утраченное, надеясь вновь накинуть на Крым удавку вассалитета. В 1854–1855 годы ей на помощь пришли Англия и Франция, затеяв военные действия в Крыму. Но Крымская война, стоившая европейским державам огромных финансовых расходов и человеческих жертв, не принесла им ни славы, ни особого успеха. Крым благодаря стойкости и чудесам мужества защитников Севастополя, оборонявшегося почти год, остался русским.